14
87

В. К. Арсеньев.

Следопыт

ИСКАТЕЛИ В УССУРИЙСКОМ КРАЕ

ладивосток
1925 г.

Рис. С. Яковлев

И 14/870

В. К. АРСЕНЬЕВ

ИСКАТЕЛИ ЖЕНЬ-ШЕНЯ

— В УССУРИЙСКОМ КРАЕ —

III-19762

ВЛАДИВОСТОК
1925

Гублит № 1047. Тираж 5000.

«Красное Знамя»—1-я тип. Акц. О-ва «Книжное Дело», Владивосток, Ленинская, 45.

I.

ПАН-ЦУЙ.

Жень-шень (пан-цуй) относится к семейству аралиевых и растет отчасти в северной Корее и в восточной Маньчжурии, но, главным образом, в Уссурийском крае, в таких местах, где давно не было лесных пожаров. Северной границей его распространения является хребет Хехцир, около Хабаровска, и река Санхобэ (бухта Терней).

Самым близким родственником жень-шеня будет чубышник элеутерококкус, который русские крестьяне называют «чертовым деревом». Оно, как наиболее сильное, вытесняет жень-шень. Вот почему последний растет только там, где нет чубышника. Листья жень-шеня такие же, как и у элеутерококкуса,—пятипальчатые, расположенные так же, как пальцы раскрытой руки человека. Средний лист длиннее других и самые крайние будут самыми короткими. От листьев чертова дерева листья жень-шеня отличаются тем, что они гладкие, черешки их лишены игл, и края мало зазубрены. Растение имеет корневище и цветет в августе; цветы мелкие, немного розоватые; снежно-белые цветы встречаются крайне редко.

Жень-шень—растение реликтовое и потому чрезвычайно капризное. Достаточно малейшего нарушения условий, благоприятных для его произра-

стания, чтобы оно погибло. Иногда без всякого видимого повода корень вдруг как бы замирает и в течение многих лет подряд не дает ростка.

Самое большое зло—это лесные пожары. С исчезновением лесов пропадает и жень-шень.

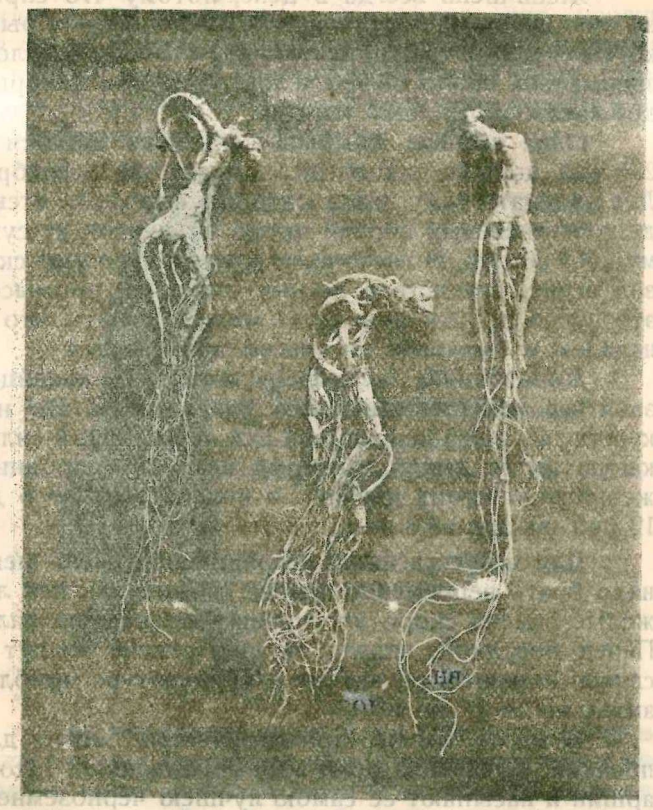
Раньше Уссурийский край был, так сказать, центром жень-шеневого промысла, но с тех пор, как страна стала усиленно колонизоваться русскими переселенцами и корейцами, началось уничтожение лесов пожарами, и потому теперь всю страну в этом отношении можно считать обесцененной.

Китайцы судят о величине корня по числу листьев. Сперва жень-шень дает два маленьких трехпалых прикорневых листка, которые скоро увядают, и тогда уже появляются настоящие пятипалые листья. Обыкновенно растение дает 3—4 листа, пять-шесть листьев—явление уже редкое. До сих пор никто еще не находил жень-шень более, чем с семью листьями.

Самый большой жень-шень достигает до пояса человека и имеет стебель толщиною в 2 мм.

Наиболее ценный жень-шень добывается в горах Хехцира. Корень его белый, толстый—диаметром до 8 сант., весом до полфунта и более, с черноватой сердцевиной и многочисленными мелкими отростками внизу корневища. Затем ценные корни встречаются в долине р. Ваку (левый низовой приток р. Имана), а также и в других местах Уссурийского края.

Китайцы обладают удивительной способностью с первого взгляда определить качество корня и сразу указать, где он рос—на берегу моря или в бассейне Уссури. Определенной цены на жень-шень нет. Она колеблется от нескольких рублей до нескольких тысяч. Двадцать корней, примерно, стоят от 500 до 2.000 руб. Цена на жень-шень зависит от места, где корень найден, от того, насколько он мочковат, от его величины и от того, насколько он похож на человека.



Жень-шень.

В 1905 г., при продолжении Сучанской железной дороги, в нескольких саженях от того места, где теперь поставлено здание станции «Фанза», был найден корень, которому китайцы считали 200 лет существования. Он весил 18 лан, т. е. более по-

лутора фунтов и был продан в г. Владивостоке за 1800 рублей, а в Шанхае оценен в 5000 мексиканских долларов.

Жень-шень всегда в цене, потому что спрос на него превышает количество, имеющееся на рынке. Ежегодно в Уссурийском крае этим промыслом занималось около 30.000 челов. китайцев, которые добывали около 4000 корней.

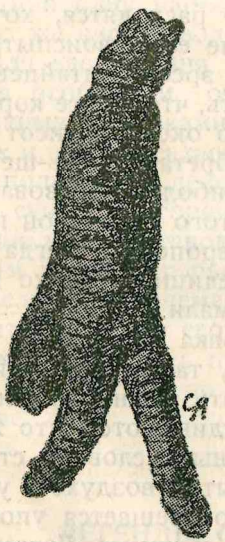
Одна весовая единица жень-шеня ценится в 250 раз дороже такого же количества серебра. Лет двадцать тому назад китайцы вывозили отсюда жень-шеневых корней около 90 фунтов на сумму 750.000 руб. В настоящее время, как я уже сказал выше, вследствие лесных пожаров, промысел этот упал до 3-4 фунтов. И можно думать, что в недалеком будущем он совсем прекратится.

Дороговизна жень-шеня заставила китайцев заняться искусственным его разведением. Но искусственно выращенный пан-цуй не имеет той силы, какую имеет дикий. Поэтому цена на огородный жень-шень стоит низкая и колеблется от 6 до 12 руб. за лан (8,6 зол.).

Для искусственного выращивания жень-шеня надо брать непременно семена свежие, так как лежалые семена скоро утрачивают жизненную силу. Перед посадкой, недели за две, семена кладут в сырую землю и держат их в температуре приблизительно от 1° до 6° С.

В марте месяце приготовляется место для посадки. Для этого роют яму глубиною от 1 до 2 аршин и насыпают ее самою лучшею черноземною землею, которую предварительно перед этим перебирают руками и просевают через сито. Когда земля готова, в нее сажают семена на глубину 3-х вершков и сверху немного посыпают листвой и сухой хвоей.

Желательно, чтобы место для жень-шеня было выбрано в смешанном лесу, где есть кедр, чтобы оно находилось на северном склоне горы и отнюдь не на солнцепеке. Может случиться, что в первый год пан-цуй не прорастет. Если нет ростка, надо ждать терпеливо. Это значит, что корень не погиб и ждет благоприятных условий, которые в данный момент почему-либо отсутствуют. Вообще огородный жень-шень годится в продажу не ранее шестилетнего срока.



Жень-шень, приготовленный к употреблению.

Так как солнце губительно действует на жень-шень, то над растением устраиваются из корья навесы с таким расчетом, чтобы солнечные лучи освещали пан-цуй только с 7 до 9 часов утра и с 5 до 7 часов пополудни.

Растение жень-шень травянистое, тонкое, очень нежное. Его легко может сломить ветер и испортить такое небольшое насекомое, как муравей. Для защиты от ветра около жень-шеня разво-

дят широколистные травы, кусты и устраивают с боков навесы из досок или бересты. Сильный дождь забивает жень-шень. Вот почему после больших продолжительных ливней китайцы прекращают поиски корня. Если дождей больших не было, и дождем, так сказать, только моросило,—лето считается благоприятным, и искатели пан-цуя ликуют.

Относительно целебных свойств жень-шеня мнения европейских ученых расходятся, хотя за последнее время французские естествоиспытатели начинают склоняться к точке зрения китайцев. И в самом деле! Трудно допустить, чтобы все корейцы и все китайцы, численностью около пятисот миллионов, заблуждались. Приобретают жень-шень не бедняки, а зажиточные и наиболее образованные классы населения. Для простого народа он почти недоступен. Известно, что европейцы всегда подвергали осмеянию чужую медицину только потому, что ничего в ней не понимали.

Как при приемах мышьяка или железа надо соблюдать известную диету, так и при приемах жень-шеня требуется изменить режим жизни. Европейцы не знают этого и удивляются, что жень-шень не помогает. Непременным условием ставится физический труд на открытом воздухе и устранение всяких излишеств; воспрещается употребление крепких напитков, чая и уксуса. Летом, и в особенности в жаркие дни, приемы лекарства сокращаются более чем на половину; зимой дозы увеличиваются. Наивысшие приемы делаются в феврале и марте перед весною.

Один пан-цуй употреблять нельзя,—от него может явиться кровотечение из носа и десен, а затем и расстройство всего организма. Обыкновенно пан-цуй употребляется вместе с другими лекарствами в виде пилюль. В состав этого лекарства входят панты *), густой клейковый навар из медвежьих костей, корни астрогала и некоторые морские травы, содержащие иод.

Пилюли принимаются натощак и перед сном вечером; сперва—по три пилюли, а затем доза увеличивается и доходит до двадцати пилюль в сутки. Днем перед едой пьют по одной рюмке крепкой водки, настоянной на жень-шене. Каждый раз, отпив одну рюмку, в бутылку прибавляют столько же чистой водки и т. д.

Для настаивания на водке пан-цуй приготовляется особенным образом: сперва его чистят маленькими щеточками, затем кладут в глиняный горшок и варят в сахарной воде, потом его долгое время подвергают действию горячих паров и, наконец, сушат на горячем воздухе. После этой операции корень становится желтоватым, полупрозрачным и имеет горьковато-сладкий вкус.

Если при приемах лекарства человек замечает, что из десен его показывается кровь, надо на время прекратить прием пилюль; настойку же можно принимать, но тоже в уменьшенном количестве.

II.

ЛЕГЕНДЫ О ЖЕНЬ-ШЕНЕ.

У китайцев есть множество легенд о происхождении жень-шеня. Вот та, которую чаще всего можно услышать в Уссурийском крае.

Жень-шень—это корень, который есть только один на всей земле. Он обладает удивительной способностью превращаться в человека, в тигра, в птицу и во всякое другое животное. Поэтому его никто никогда найти не может.

*) Лекарство из рогов оленя.

Государственная Публичная Библиотека

Если человек увидал в лесу какого-нибудь зверя, какое-нибудь растение или даже неодушевленный предмет, например, камень, и сильно испугался и, если этот предмет тотчас же пропал из глаз—это был жень-шень. Тогда надо молиться, запомнить это место и в будущем году притти сюда за корнем.

Раньше жень-шень жил в Китае, и никто не знал о его существовании. Но вот великий пророк Ляо-цзы открыл его целебную силу и указал людям его приметы. Жень-шень бежал к северу в гористые страны. Ученый Лао-Хань-Ван (князь старых китайцев) при посредстве других целебных трав открыл его местонахождение. Тогда жень-шень скрылся в Уссурийский край (Дун-да-шань)...

Прошло много веков... И вот три брата Ванганго, Касавон и Лиу-у пришли к берегам Великого океана искать этот чудодейственный корень. Тут они заблудились и погибли. С тех пор души их бродят по тайге и перекликаются между собой. Каждый жень-шенщик, услышав эти стоны и крики, никогда не пойдет в их направлении и непременно свернет в сторону, а если он рискнет туда итти, то ничего не найдет и, наверное, заблудится. *).

Чтобы спастись от преследования людей, жень-шень наплодил множество корней, себе подобных—«пан-цуй», как говорят китайцы. Вот почему такой «пан-цуй», чем ближе он будет к истинному жень-шеню, тем больше он похож на человека, тем больше он размерами, крепче в нем сила, и тем дороже он ценится.

*) Крики эти принадлежат маленькой ночной сове. Гольды называют эту птицу Тоито. Она серого цвета и с ушами, как у филина. С наступлением холодных сентябрьских ночей, крики ее прекращаются.

Не раз, слыша эту легенду, я сопоставлял ее с целым сонмом символических легенд, существующих с незапамятных времен у человечества о жизненном элексире. Идея одна и та же.

Другая легенда говорит так.

«В восточной Маньчжурии, в горах Нанган-Шаня, жили два знаменитых рода—Си-лянь и Лян-серл, вечно враждующих между собою. Представителем рода Си-лянь был знаменитый воин Жень-Шень; он защищал слабых, угнетенных, отличался удивительной храбростью, был справедлив и великодушен. Он унаследовал от своих предков все душевные их богатства. Сон-ши-хо из рода Лян-серл был редкой красоты мужчина, смелый и энергичный. Он сделался хунхузом, собрал толпу разбойников и с ними совершал нападения на соседей. Жень-Шень давно собирался усмирить Сонши-хо, но жизненные пути их нигде не встречались. Но вот Сон-ши-хо вздумал сам напасть на Жень-Шеня. Судьба покровительствовала последнему. Сон-ши-хо был взят в плен, закован в цепи и посажен в глубокую яму. Долго томился Сонши-хо в заточении и, вероятно, погиб бы, если бы ему на помощь не пришла красавица Ляо, сестра Жень-Шеня. Ляо влюбилась в разбойника, освободила его из ямы и убежала с ним из дома брата. Как только Жень-Шень узнал об этом, он бросился за Сон-ши-хо в погоню и скоро догнал его в диком ущелье Сяо-ли-фаня. Услышав за собою погоню, Ляо спряталась в кусты, а Сон-ши-хо приготовился к единоборству. Оба врага вступили в страшный бой. Силен был Сон-ши-хо, но искусен и ловок был Жень-Шень. Он нанес Сон-ши-хо смертельный удар в грудь. В это время Ляо вскрикнула от испуга. Жень-Шень обернулся, и

это погубило его. Собрав остаток своих сил, Сон-ши-хо глубоко в горло Жень-Шеню вонзил свой острый меч. И Жень-Шень и Сон-ши-хо оба пали мертвыми. Долго оплакивала красавица Ляо своего возлюбленного и своего брата, плакала она до тех пор, пока не завяла красота ее, и пока она не засохла так же, как засыхает растение; а на том месте, где падали ее горючие слезы, вдруг выросло удивительное растение — «жень-шень» — источник жизни».

Другие китайцы говорят, что жень-шень зарождается из молнии. Вверху за облаками царство духов, владеющих всеми силами природы и посылающих на землю дожди, гром и молнию— огонь и воду. Эти две стихии есть два начала жизни: добро и зло, свет и тьма, огонь и вода; движение и покой их находятся в вечной вражде между собою, и эта вражда создала мировую гармонию. Если в то место, где из земли бьет холодный источник, дающий чистую, прозрачную воду, ударит молния, источник иссякает, а могучая сила небесного огня превращается в другую чудесную силу—в жень-шень. Здесь появляется растение жизни.

III.

ИСКАТЕЛИ ЖЕНЬ-ШЕНЯ.

Ежегодно в течение всего лета, приблизительно с начала июня, китайцы—искатели жень-шеня—отправляются в тайгу за дорогим корнем. Идут они в одиночку, часто без всякого оружия, с одною только молитвою и с твердой верой, что духи гор и лесов окажут им свое покровительство.

Отличительными признаками этих искателей является — промазанный передник для защиты одежды от росы, длинная палка для разгребания листвы и травы под ногами, деревянный браслет на левой руке и барсучья шкурка, привязанная

сзади на поясе. Шкурка эта позволяет китайцу садиться на землю и на бурелом, поросший сырым мхом, без опасения промочить одежду.

Искатель жень-шеня.

Надо удивляться выносливости и терпению китайцев. В лохмотьях, полуголодные и истомленные, они идут безо всяких дорог, целиною. Все время они надламывают кусты или кладут мох и сухую траву на сучки деревьев. Это условные зна-

ки, чтобы другой человек не шел по этому следу, потому что место это осмотрено, и делать здесь нечего.

Сколько их погибло от голода, сколько заблудилось и пропало без вести, сколько было растерзано дикими зверями! И все-таки, чем больше лишений, чем больше опасностей, чем угрюмее и неприветливее горы, чем глуше тайга и чем больше следов тигров, тем с большим рвением идет китаец-искатель. Он убежден, он верит, что все эти страхи только для того, чтобы напугать человека и отогнать его от места, где растет дорогой пан-цуй. *). Тут где-нибудь в ущелье, в тени, куда никогда не заглядывает солнце, растет этот удивительный корень жизни, возвращающий истомленному старческому телу бодрость жизни и исцеляющий все недуги.

Только чистый непорочный человек может найти пан-цуй; это недоступно для человека, ведшего ранее жизнь безнравственную, это недоступно для того, кто постоянно причинял людям зло и обиды. В мгновение ока растение исчезает, корень глубоко уходит в землю, гора, где рос женьшень, начинает стонать и колебаться, и из зарослей выходит грозный охранитель лесов—тигр.

Завидев жень-шень, манза-искатель кидает в сторону от себя палку и, закрыв глаза рукою, с криком бросается ниц на землю:

*) Последнее время появились новые искатели женьшеня. Это уже ремесленники, простые манзы-рабочие, отправляемые в тайгу китайскими купцами. Манзы эти собираются небольшими партиями по 5—10 человек и идут цепью, в таком расстоянии друг от друга, чтобы в сторону хорошо были видны все травы. Они знакомы только с внешним видом жень-шеня, не знают примет, не знают, как он растет,—они просто бродят по тайге до тех пор, пока случайно на него не натолкнутся.

«Пан-цуй не уходи!»—кричит он громким голосом. «Я—чистый человек, я душу свою освободил от грехов, сердце мое открыто, и нет худых помышлений».

Только после этих слов китаец решается открыть глаза и посмотреть на растение.

На всех дорогах, идущих через горы, на самых перевалах, всюду можно видеть маленькие кумирни, сложенные из дикого камня, с изображениями богов (хуа). Кумирни эти поставлены китайскими охотниками и искателями жень-шеня. Тут-же где-нибудь поблизости повешены на дереве лоскутки красного кумача с надписями, сделанными тушью, следующего содержания: «Господину истинному духу гор, охраняющему леса. Моя радость сверкает, как чешуя у рыбы и красивое оперение феникса. Владыке гор и лесов, охраняющему прирост богатства. Если просят, непременно обещай—просящему нет отказа».

Место, где найден корень, тщательно изучается во всех отношениях. Китаец приглядывается к топографии местности, к составу горных пород, к почве и внимательно изучает сообщество травянистых, кустарниковых и древесных растений. *). От его внимания не ускользает положение места по отношению к солнцу и по отношению к господствующему ветру. Осмотревшись кругом, китаец становится на колени, разбирает траву руками и самым тщательным образом осматривает растение. Возможно, что найденный жень-шень несколько лет тому назад опылился и дал семена, кото-

*) Среди густых зарослей трудно бывает рассмотреть дорогое растение, если бы вокруг него не располагался широким ковром спутник жень-шеня—кислица. По мелким листьям последнего и ищут целебный пан-цуй.

рые осыпались и, в свою очередь, могли дать ростки.

Убедившись, что жень-шень растет только один, и что рядом нет других таких же растений, китаец осторожно раскапывает землю, чуть-чуть оголяет жень-шень и осматривает его. По морщинкам и рубчикам на нем он определяет его достоинство. Если, по мнению жень-шенщика, корень еще невелик, он оставляет его расти до будущего года.

В этом случае он всячески старается привести все в прежний порядок. Корень вновь засыпается землей, примятая трава поправляется и, если есть вблизи ручей, то поливается водою, чтобы она не завяла. Если пан-цуй найден в периоде цветения или созревания семян, то ему дают отцвести и осыпать их на землю в той надежде, что здесь современем вырастут другие, такие же растения. Иногда семена собираются и переносятся для посадки поближе к фанзе. Самый женьшень обтыкается кругом тоненькими палочками, —знак, что корень этот уже найден. Другой китаец, нашедший такой, обтыканный палочками жень-шень, ни за что его не тронет. Делается это не из страха ответственности, не из суеверия,— здесь просто сказывается внимание к чужому интересу.

Когда пришло время, жень-шень выкапывается со всеми предосторожностями. Важно, чтобы не оборвать длинные мочки, идущие от корня глубоко в землю. Самое выкапывание производится особыми костяными палочками (китайское название пан-цуй цянь-цзы), длиною в 6 дюймов. Жень-шенщики носят ее на поясе вместе со складным кривым ножем. Ножи эти предназначаются для меток во время пути, для очищения места вокруг жень-шеня от сорной травы и кустарниковой поросли.

Чтобы не потерять место, где находится корень, на тот случай, если бы он на другой год не дал ростка, китаец отмечает его оригинальным способом. Копать землю или делать земетки, которые бросились бы в глаза всякому прохожему —нежелательно. Поэтому искатель жень-шеня поступает так. Выбрав какое-нибудь дерево, растущее поблизости, он делает на нем затеску, затем точно измеряет расстояние от дерева до жень-шеня и настолько же продолжает линию дальше за жень-шень, где и кладет камень средней величины или вбивает деревянный кол так, чтобы он только чуть-чуть торчал из земли. Таким образом, выходит, что половина линии от камня до дерева будет как раз та точка, где находился пан-цуй.

Сюда искатель целебного корня придет в другой раз. Он будет навещать это место ежегодно.

Если растение предназначается к пересадке на женьшеневую плантацию, его переносят сюда осенью. Извлеченный корень сохраняется в той земле, в которой он рос. Вместе с землей его обертывают мхом и заключают в берестяную коробку.

Лет двадцать тому назад такие плантации были в верховьях р. Ното и на Фудзине. Одну из них я видел в 1906 году, когда с несколькими вьючными конями я пробирался через горный хребет Сихота-Алинь к морю.

Помню—мы заблудились в бассейне реки Синанды, и не знали, как выбраться из тайги. Обдумав свое положение, я оставил своих спутников на биваке и возвратился назад к покинутой фанзе (которую мы прошли накануне) с целью посмотреть, не отходит ли от нее другая тропа в сторону.

И, действительно, здесь я нашел небольшую тропинку, которая привела меня к другой такой

же фанзочке. В ней я застал двух китайцев. Один был молодой, а другой—старик. Первый занимался охотой, второй был искателем жень-шеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбою. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что года его подходили к седьмому десятку. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика—старое и заплатанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого—соломенная, покупная, у второго—берестяная, самодельная.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть жень-шеневая плантация, и что именно туда они и направляются. Я так увлекся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашел бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал еще снег. Наконец, мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибется, если вообразит себе жень-шеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней жень-шеня,

считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни.

Первое, что я увидел—это были навесы из кедрового корья для защиты жень-шеня от палящих лучей солнца. Для того, чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники, и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Жень-шень! Так вот каков он! Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний.

Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал уважение к этому невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу. Оба китайца занялись работой. Они убрали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили два каких-то куста и полили их водою. Заметив, что воды идет в питомник мало, они пустили ее побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококкус.

С уходом манз из тайги не все зверовые фанзочки пустеют. Некоторые китайцы живут в них постоянно в течение всей своей жизни. Это в боль-

шинстве случаев одинокие старики, давно уже порвавшие всякие связи со своей родиной. Дикая природа этих мест наложила на них свою печать. Вечные опасения за свою участь и безотчетный страх перед этой огромной лесной пустыней как-будто подавляют их,—они утрачивают человеческий образ и становятся дикарями. Живут эти китайцы в самой примитивной обстановке и все цели своего существования сводят лишь к тому, чтобы найти чудодейственное растение. Здесь, в глухой тайге, они умирают одинокими так, что некому совершить над ними обряд погребения.

Однажды, в 1903 году, я с шестнадцатью стрелками охотничьей команды пробирался по местности совершенно безлюдной (в истоках реки Сандагоу—перевал на Судзухэ). После восьми дней пути мы остановились биваком в самых истоках р. Улахэ. На другой день утром я пошел на охоту. Отойдя от бивака версты четыре, я совершенно случайно натолкнулся на маленькую землянку-фанзочку, похожую на логовище зверя. Фанзочка была пустая, но по вещам, находящимся в ней, видно было, что в ней живет искатель жень-шеня. Я остался ждать. Минут через двадцать пришел хозяин. Это был глубокий старик.

Надо было видеть его испуг и удивление. Он сел на землю и закричал, как раненый. Я стал его успокаивать и тут только заметил, что он болен: глаза его горели лихорадочным огнем; он кашлял, стонал и жаловался на грудь.

Поохотившись в окрестностях, я пришел к нему ночевать. Мы разговорились. Оказалось, что в краю он живет шестьдесят два года и что здесь в этой землянке совершенно одиноким он прожил подряд около двадцати двух лет. За все это время он знал только двух китайцев. Других людей он не видал. Одни и те же, они один раз в году

приходили к нему с вьючными конями, привозили буду, соль и кое-что из одежды, а взамен этого забирали у него ту пушнину (хорьков, белок, и случайного соболя), которых он мог поймать на своих 50 ловушках. Питался этот старик только горстью чумизы и тою живностью, которую он добывал своим звероловством.

Вечером старик заболел; он стонал и жаловался на грудь. Ночью два раза я затапливал печь. К утру он немного успокоился и уснул. Когда совсем рассвело, я не стал его будить, тихонько вышел и через полчаса присоединился к своему отряду.

Через тридцать восемь дней случилось мне возвращаться опять тою же дорогою. Я предложил своим спутникам навестить моего нового знакомого. Когда мы вошли в фанзу, то увидели, что старик лежал на нарах мертвым, в том положении, как я оставил его при уходе.

Мы завалили землянку камнями и буреломом. Без малого только через полгода, быть может, к нему пришли опять те же два китайца и тогда похоронили его по своему обряду.

Как только подуют сухие северо-западные ветры, и деревья под влиянием утренних заморозков разукрасятся всеми цветами радуги, кончается жень-шеневый промысел.

В это время в тайге разыгрываются кровавые драмы.

Осенью, с наступлением холодов, измученные и изнуренные долгим скитанием по лесу, с драгоценной ношей в руках, манзы-искатели стремятся к земледельческим фанзам в надежде снискать там себе покой и пропитание.

Ужасные голодовки, кровожадные звери и нечеловеческие лишения, которым неизбежно подвергается всякий жень-шенщик, за попытку бо-

роться с природой там, где она положила свое veto*)—все это как будто осталось позади. Но еще большая опасность ожидает его впереди.

Там, где долина суживается, чтобы только оставить проход горной речке,—где-нибудь за камнями с винтовкой в руках караулит грабитель.

Искатель жень-шеня знает это и торопится скорее пройти опасное место. Вот он почти прошел его, и вдруг небольшая струйка дыма мелькнула в кустах. Звук выстрела подхватило гулкое эхо. Китаец как-то странно рванулся вперед, ноги его подкосились. Он взмахнул руками и грузно повалился на землю.

Тотчас из кустов вышел грабитель-промышленник и торопливым шагом подошел к убитому. Привычной рукой он обшарил его, достал берестяную коробочку с драгоценным корнем и сунул ее себе за пазуху. Затем он поднял свое ружье и, не оглядываясь, быстро направился в горы.

Скоро ночная мгла, словно траурная вуаль, стала спускаться на землю.

Так иногда погибает искатель жень-шеня за то растение, которое он считает источником жизни.

*) Veto – запрещение.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Пан-цуй 3
II. Легенды о жень-шене 9
III. Искатели корня 12

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ О-ВО
„КНИЖНОЕ ДЕЛО“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Арсеньев, В. К. Дорогой хищник. (Охота за соболями в Уссурийском крае).

» За соболями. (Скупка пушнины на Д. В).

» В кратере вулкана. (Восхождение на Авачинскую сопку на Камчатке).

Яковлев, С. И. Амурская кета и ее жизнь.

Цена 8 копеек.